

Е. Фирсова

Игры для взрослых

16+

Елена Фирсова
Игры для взрослых

«ЛитРес: Самиздат»

1998

Фирсова Е. В.

Игры для взрослых / Е. В. Фирсова — «ЛитРес: Самиздат», 1998

Две подружки-выпускницы из небольшого приморского городка выбрали для себя взрослое поприще, каждая свое. Одна играла в футбол, другая стала строить карьеру певицы. Обеим пришлось столкнуться с трудностями, которые проявили истинное лицо не только главных героинь, но и тех, кто их окружает.

© Фирсова Е. В., 1998

© ЛитРес: Самиздат, 1998

Нашептывает жизнь: зря.
Все то, что ты любил, – сон.
Пора тебе иных стран
Искать за мутным стеклом.
Баюкает судьба – спи,
В осенний дерн лицом ляг.
Смелее! Перейди Стикс,
К которому один шаг.
Кривляется любовь – вот.
Осколками у ног – мир.
К оконному стеклу льнет
И рвется улететь крик.
Марианна Ясемчик

Все началось с того, как стремительно Катька прибежала на корт и закричала, что в марте начнется первенство страны по футболу среди женщин, и “Амазонка” в нем будет самой молодой командой. А Алька от радости забила мяч Лоре, и Лора немного надулась. Зато Алька от счастья светилась насквозь.

– Ты не представляешь, Лорка, что это значит – выступать наравне с мастерами, – говорила она.

– А это показывают по телевизору?

– Будут, будут показывать! В этом-то все и дело! Мы прославимся на весь мир!

– О да! – скептически усмехнулась Лора. – Пойдем-ка лучше домой, я еще уроки не сделала.

– Скажите, какая проблема!

Издевательский тон не подействовал на Лору. Ее редко можно было достать таким тоном. Она обаятельно, даже, пожалуй, подчеркнуто обаятельно улыбнулась и направилась к раздевалке, помахивая ракеткой. Алька показала ей вслед язык.

Подруги жили в соседних квартирах, на втором этаже пятиэтажного дома в новом городском микрорайоне – так его называли, хотя ему уже не меньше десятка лет. Лора воплощала собой правильность и идеальность, почти не доставляла хлопот своим родителям и в меру увлекалась всем: животными, комнатными растениями, марками, рисованием, книгами, музыкой, вышиванием. Однако же, точные науки, вроде математики и химии, нравились ей гораздо больше гуманитарных предметов.

Алька совсем не была на нее похожа. Она поочередно испробовала самые разнообразные хобби, но всем увлечениям она отдавалась страстно и лихорадочно. То начала скупать все карманные календарики, которые в данный момент находились в продаже. И почему? Потому, что у одной из девчонок в их классе очень большая коллекция – около трехсот штук. Дело только в том, что та собирала их уже несколько лет, а Алька вознамерилась обогнать ее в пару дней. Мало того, она обошла всех родственников и знакомых, выпрашивая календарики. Потом вдруг в первый раз показали по телевизору многосерийный фильм “В поисках капитана Гранта”, и Алька заявила, что станет настоящей путешественницей и купит себе парусник. Потом и это прошло – после фильма “Гостья из будущего”. Все без исключения девчонки в городе воображали себя Алисами Селезнёвыми. Тогда Альку потянуло в космос, в иные миры, в высокоразвитые цивилизации. А однажды она прочла книгу “Белый Ягуар – вождь араваков” и всерьез собралась удрать к индейцам. И очень страдала, когда ей сообщили, что индейцы живут только в Америке.

Лора читала книги медленно и вдумчиво, размышляя над каждым словом. Алька же опускала длинные отступления и подробные описания и всегда забегала вперед.

Лора тщательно следила за собой, плавно двигалась, аккуратно и со вкусом одевалась. Алька напяливала на себя что попало и поэтому рядом с подружкой выглядела оборвашкой. Кроме того, привычка к мальчишеским играм наложила на нее соответствующий отпечаток – походка у нее была быстрая, как у парня, а движения – отрывистые.

Лора любила детей. Алька их боялась.

Они редко понимали друг друга и часто ссорились, но были неразлучны, как сиамские близнецы. Они вместе ходили в школу, сидели за соседними партами, в первом ряду возле окна. Алька за вторым столом, Лора – за третьим. Только Лора училась прилежно, а Алька – спустя рукава.

Последние два года Алька до безумия увлеклась футболом. Но ей, как всегда, было слишком мало просто смотреть матчи по телевизору или на стадионе. Ей обязательно нужно было самой участвовать в этой изумительном действии. Бегать по полю, виртуозно владеть мячом, забивать лучшие голы. Лора довольно прохладно отнеслась к очередному “заболеванню” подружки. По ее мнению, если уж заниматься спортом, так лучше более женственным, вроде гимнастики или тенниса. А в футбол играть – это просто неприлично для девочки пятнадцати лет.

Но, как ни странно, в городе уже была создана женская футбольная команда. Собственно, “женская” – сильно сказано. Большинство среди них составляли студентки педагогического училища да энтузиастки с шарико-подшипникового завода, а также несколько школьниц. Алька была в числе последних. Она рьяно взялась за дело и проявила незаурядный талант. Тренер ее расхваливал направо и налево и занимался с ней отдельно, чтобы со временем сделать из нее мастера.

Почти всю дорогу они молчали. Алька то и дело поправляла на плече ремень спортивной сумки.

– Я не могу понять, Аль, – наконец, произнесла Лора, – как родители позволяют тебе так наплеватьски относиться к учебе.

– А что? – насторожилась Алька.

– В этом году, радость моя, мы оканчиваем школу. Это тебе ни о чем не говорит?

Алька расслабилась и даже улыбнулась.

– Ну, Лорик, боюсь, я никудышная ученица. Увы, но меня уже не изменить.

– Очень жаль, – с заметным раздражением ответила Лора.

– Я знаю, – беспечно ответила Алька.

От стадиона “Авангард” до улицы Садовой, где жили девочки, было совсем недалеко, да и город большими размерами не отличался. От нового микрорайона, самого удаленного от моря, до набережной можно было добраться за полчаса пешком, если быстро идти. Тем не менее, молодой город стремительно рос вширь и ввысь, от древнего деревянного рыбацкого поселка почти ничего не осталось, лишь несколько улиц частного сектора, в стороне от центра города.

– Уже темно, – недовольно проворчала Лора, входя в подъезд, рядом с которым стоял автомобиль. – По твоей милости, я сегодня поздно лягу спать.

– Не ной, – весело откликнулась Алька. – Тебя никто не просил приходить на теннис, и уж тем более никто не заставляет ложиться спать в неурочное время.

– Если я не выучу наизусть Симонова, Виктор вlepит мне “двойку”! – возмущенно заявила Лора.

– Подумаешь! Смотри, опять Горбунов оставил свой сaг на самой дороге. Вечно его приходится обходить.

– Аля, какая ты несерьезная.

– А ты такая зануда!

Они быстро поднялись по лестнице на второй этаж. Лора спокойно достала из кармана пальто ключ от квартиры и стала шарить по двери в поисках замочной скважины. Алька, как всегда, обследовала одежду и сумку и выяснила, что ключ она сегодня забыла в школьном пенале.

Пришлось звонить.

– Да, – вдруг вспомнила Лора, – мы же с тобой приглашены к Лене, завтра к пяти часам.

– Ага, – подтвердила Алька, шмыгая носом. – Почему так долго никто не открывает? Уснули, что ли?

Лора не обратила внимания на ее нежелание понимать:

– И не вздумай отколоть там какую-нибудь штучку! Да оденься прилично, чтобы мне не было стыдно рядом с тобой идти.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

Наконец, Лора воткнула ключ в замочную скважину, а за дверью напротив послышались ленивые шаги.

– Пока, Аля.

– Пока, Лорка.

У обеих семей квартиры были двухкомнатные, однако Алька обладала некоторыми преимуществами – ее старший брат Сашка жил с женой отдельно, а младший братишка Лоры, Дима, жил в одной с ней комнате. Поэтому Лора, как старшая сестра, очень ответственно относилась к распорядку дня: ночью не читать, не включать телевизор, не слушать музыку и даже не подниматься с кровати, дабы не разбудить мальчика. И если в темное время суток приходилось заниматься уроками, она уходила в кухню.

В тот день было еще рано, Димка пока не собирался спать, но Лора все равно взяла томик стихотворений Симонова и хрестоматию по литературе и удалилась в кухню. Учитель словесности, Виктор Петрович, очень строго требовал знания текста, а читать нужно было много. Лора вскипятила воду, сделала себе чаю, намазала маслом кусочек хлеба и за этим ужином начала зубрить стихотворение. Это занятие она больше всего не любила.

“Везет же Альке! – невольно подумала она. – Она, кажется, запоминает стихи после первого же чтения”.

При мысли о подруге она поморщилась. “Как еще можно на нее повлиять? Она ведь такая способная, все учителя это признают. Футбол вытеснил из ее упрямой башки все остальное, но нельзя позволять ей пускать учебу на самотек, иначе она не сдаст выпускные экзамены”.

А Алька между тем сидела у себя в комнате в наушниках, закрыв глаза, и слушала музыку. Сашка достал ей несколько импортных кассет, и она уговорила его записать скандальные концерты – и наши, и зарубежные рок-группы. Лора отнюдь не одобряла ее выбор в отношении музыки, предпочитая классически безопасную отечественную эстраду. К сожалению, Алька абсолютно не поддавалась постороннему влиянию.

Если в квартире Андреевых вообще и в комнате Лоры в частности царил полный порядок и блеск, то в комнате Альки никогда полного порядка и блеска не было. Все валялось как попало, хотя мама, вопреки сопротивлению дочери, неоднократно пыталась привести вещи в более-менее приличный вид. Алька плохо вставала по утрам и частенько ленилась прибрать постель, а после школы на нее даже смотреть неприятно, да и времени нет – надо спешить на тренировку. Да, она была большая лентяйка и всегда увиливала от работы по дому, от дачного участка бежала как от чумы и готовила себе кофе и бутерброд с колбасой только в тех случаях, когда ей грозила голодная смерть, а дома больше никого не было. А на что-нибудь посушественнее она не решилась бы и под страхом смертной казни.

Но вкусно покушать она любила. Это неизбежно отразилось на ее фигуре – при росте метр пятьдесят девять она весила около пятидесяти пяти килограммов. Вызывающе полной она, правда, не была, но не могла бы позволить себе носить многое из того, что любят носить ее

ровесницы – вроде отдельного купальника, сарафанчика на золотистых шнурочках и платья с открытой спиной. Поэтому Алька и не любила ходить на море, тем более с компанией.

И с мальчиками она не встречалась. Она вообще была скрытная и молчаливая, неохотно сходилась с людьми. Да и ребята видели вокруг себя куда более привлекательных девочек, тонких и загорелых, смешливых и общительных, готовых развлекаться вовсю.

Но сама она от этого не страдала. По крайней мере, внешне. Она с головой бросалась в футбол и музыку.

Лора дружила с мальчиком из параллельного класса, Игорем Исаевым, уже месяца три, и чрезвычайно гордилась этим перед подружками – Игорь был очень симпатичен и сочинял стихи, в основном о любви. И после того, как познакомился поближе с Лорой, все стихи посвящал ей. Это был достаточно сильный повод для девчоночьей зависти!

Около полуночи Алька обнаружила, что дремлет, а кассета подходит к концу. Тогда она выключила магнитофон, сняла наушники и стала готовиться ко сну. Первым делом взбила подушку. Если подушка была слишком маленькая или жесткая, она не могла уснуть. Затем бросила прямо на пол жесткое синее покрывало и отогнула край одеяла, чтобы удобнее было нырнуть туда, в уютную постель, и, наконец, натянула на себя куцую, широкую ночную рубашку, которую ненавидела, но, увы, более привычная пижама уже целую неделю валялась в стирке.

В среднюю дверцу ее шкафа было вставлено большое зеркало. На миг Алька остановилась перед ним и окинула себя полным презрения взглядом.

Почему она не худеет? Почему не сбавляет в весе ни на один грамм, хотя тренируется как сумасшедшая? Кто угодно в таком режиме работы и при таких нагрузках уже выглядел бы как тростиночка. Почему же у нее ничего не получается?

У тренера на сей счет имеется свое мнение. “У тебя нет четкого распорядка дня, ты поздно ложишься спать, ешь слишком много сладкого, пьешь крепкий кофе на ночь, и вообще, относишься ко всему безответственно”, – так он отвечает на ее недоумение по поводу сантиметров на талии и груди.

Она же пропускает его слова мимо ушей, ибо они подрывают ее жизненные устои. И он отлично знает, что она не слушает. Она никого не слушает.

“И все-таки, что можно сделать, чтобы хорошо вставать по утрам?” – думала она в предвкушении сна. Спать она любила даже больше, чем вкусно покушать. Главным образом потому, что ей всегда снились удивительные сны. Звезды, салюты, сказки. И цветы. И полеты – она с упоением летала во сне.

Так и не решив глобального вопроса о легком пробуждении, она погасила свет и быстро забралась в постель.

Александра Железковского все называли просто Сашкой. Он, как и его сестра, любил поспать, но, в отличие от нее, проблем по утрам у него не возникало. Он жил в частном доме вдвоем с женой Наташей, и его обычно будил запах вкусного завтрака. Наташа была чудесной хозяйкой, содержала дом и сад в отменном порядке, а по утрам вставала рано, как жаворонок. Ему очень повезло с женой, и он знал об этом.

Субботнее утро у него, как всегда, началось с аппетитного запаха из кухни. Он сладко потянулся в кровати, хрустнув по очереди всеми косточками, потом вскочил на ноги и накинул на себя рубашку. Провел рукой по светлым волосам, словно стряхивал с них пыль и сон, и отправился умываться.

Ванной комнаты в доме не было, поэтому умывались они над кухонной раковиной, а мыться ходили к Сашкиным родителям. Фыркая, как брезгливый котенок, Сашка вымыл руки до локтей, лицо, шею и уши. Наташа с любовью смотрела на него и снисходительно слегка улыбалась. Он вытерся мягким полотенцем и наклонился, чтобы поцеловать жену в губы:

– Доброе утро, солнышко.

– Доброе утро, Сашенька. Садись завтракать.

На столе стояла сковорода с жареной картошкой, тарелка с нарезанными солеными огурцами, а на плите грелся чайник. Наташа обслуживала мужа, а сама садилась завтракать только после того, как он уходил на работу.

Работал он оператором котельной в пансионате “Голубая волна”, за чертой города. Там же он был диск-жокеем, на пару с приятелем, из той же котельной, они вели дискотеки через день, сменяя друг друга. И, пожалуй, неисправимому романтику Сашке второе занятие нравилось гораздо больше, чем первое.

До “Голубой волны” и пешком идти было близко, но он ездил туда на мотоцикле. Везду он вкладывал всю свою душу, разгоняясь до сумасшедшей скорости и испытывая упоение риска, когда деревья и кустарники, люди и машины, дома и фонарные столбы мелькают по сторонам, будто призраки, а каждый поворот опасен для жизни. Внешне Сашка был всегда спокоен и весел, но его пристрастие к скорости показывало, какой огонь горит у него внутри.

– Привет, Железковский! – поздоровался с ним его друг Леонид, напарник по дискотеке и котельной. – Как дела?

– Отлично, Аматов.

– Ты обещал нам новую певицу, – напомнил Леонид.

Сашка засмеялся:

– Я знаю! Не волнуйся, к началу сезона мы уже подготовимся к выступлениям. Видишь ли, у нее сейчас не так уж много свободного времени, чтобы заниматься шоу-бизнесом. Но я говорил с ней, и она согласна.

– Ты бы поторопился, а то ребята забеспокоились.

– Так успокой их. Все будет нормально, не паникуй.

Леонид пожал плечами:

– Я-то не паникую, но успеем ли мы подготовить программу, на тот случай, если она понравится зрителям?

– А я в этом не сомневаюсь, и тебе не советую. У нее голос, как у Патрисии Каас.

Он похлопал друга по плечу и направился к котельной. Вчера им пришлось работать на всю катушку – кто-то обнаружил утечку газа, и они целый день устранили неполадки. Сегодня котлы должны быть запущены.

А когда все встанет на свои места, можно и поиграть в шахматы. Сашка любил эту игру. Ему казалось, что доска – поле реальной битвы, где он является королем и командует настоящим войском. Иллюзия была впечатляющей! И товарищи Сашки по работе смеялись над его игровым азартом и над тем, с каким обреченным видом он терял какую-нибудь фигуру. Будто фигуры были живыми существами. Впрочем, мало кому удавалось выиграть у него в шахматы.

А вечером, после работы, он вместе с Леонидом заходил в клуб пансионата. До начала сезона на втором этаже каждый день устраивались дискотеки. А в мае их переносили на открытую площадку, окруженную двойным кольцом бассейна и потому названную “поплавок”. Эта танцплощадка считалась лучшей в городе и пользовалась бешеным успехом у местной и приезжей молодежи. Сашка работал там уже год.

Если сравнить то плачевное состояние, в котором находилось это заведение до Сашкиного прихода, и теперешнее положение клуба, то Сашка смело мог приписывать этот очевидный прогресс своим скромным заслугам. Для начала он предстал пред ясные очи директора пансионата и вытребовал денег на новое музыкальное оборудование, причем не на какое-нибудь, а на самое современное.

Затем он решил использовать для танцев не маленькое уютное, но слишком уж тесное фойе клуба, а просторные верхние этажи, где до этого располагалась библиотека. Предстояла очередная схватка с начальством, однако и второй раунд оказался за Сашкой. Библиотеку переместили в один из залов на первом этаже, а со вторым Сашка мог делать все, что угодно.

На этом этапе к нему подключился Леонид, и они вдвоем завершили оформление танц-площадки. Затем они занялись и “поплавком”, и теперь – результат налицо. Дискотека “Голубой волны” – самая престижная в городе.

Леонид и Сашка неспешно обошли свои незыблемые владения. Здесь они вели себя как полноценные хозяева. Здесь всё (или почти всё) создано их руками.

Сашка остановился у маленькой сцены и окинул ее взглядом, словно ей чего-то не хватало.

– Знаешь, Амаатов, давай-ка выжмем у Замятина еще финансов и опояшем сцену цветочной музыкой.

Леонид задумался.

– Идея неплохая. Но не будет ли это выглядеть чересчур? У нас и так во всех изгибах что-то светится и мигает.

– Ничего, – оживился Сашка. – У нашей певицы изумительные золотистые волосы, и они должны сиять, как радуга.

Леонид пристально на него посмотрел. Его усмешка показывала, что он заинтересовался певицей, про которую Сашка рассказывал так красиво. В этом маленьком городке на побережье, расположенном почти посередине между Абрау-Дюрсо и Мысхако, каждая хорошенькая девушка хочет петь и воображает себя звездой мировой эстрады, но придирчивый Сашка только неприязненно морщился при упоминании о любой из многих этих местных певичек, пробовавших свои силы на сцене “Голубой волны”. И вдруг – он сам расхваливает кандидатку.

– Ты ее хорошо знаешь, Железовский?

Тот слегка замялся.

– Нет, не очень. Но я ручаюсь за нее, Лёнька. Я слышал, как она поет. У нее потрясающий голос, не считая музыкального образования. Ей гарантирован успех.

Леонид иронично скривился.

– Что же это за жемчужина, Железовский? Уж не твоя ли дражайшая это половина?

– Солнышко? – удивился Сашка. – Не болтай глупостей, Лёнька. Даже если бы она умела петь, я ни за что не пустил бы ее на сцену.

– Ревнивец! – ужасным голосом провозгласил Леонид и демонстративно вцепился в него, но тот отмахнулся, весело усмехнувшись:

– Прекрати, Амаатов! При чем здесь ревность?

Они еще раз обошли зал.

Он был круглый. Блестящие паркетные полы, стеклянные стены в тяжелых металлических рамах, деревянные перила вокруг большого отверстия посреди пола, куда с потолка спускалась огромная люстра, похожая на северное сияние. Вдоль стен свисали изящнейшие тюлевые драпировки, и ночью, в темноте, этаж светился изнутри мерцающими огнями, словно китайский фонарик.

– Ты идешь домой? – спросил Леонид.

– Да, сейчас.

– Ну пока!

– Счастливо!

Леонид ушел, а Сашка еще немного постоял возле сцены, задумчиво склонив голову на руку. Потом вышел наружу. Парк был погружен в густые сумерки. Сашка медленно направился к котельной, где остался его мотоцикл. По пути он полной грудью вдыхал холодный влажный воздух. Нет, право же, никаких романтических чувств этот февральский вечер не вызывал, и все же Сашка о чем-то размышлял, разглядывая небо и горящие фонари... О чем? Кто может знать об этом?

А Наташа весь день провела дома. Она затеяла уборку и выполнила ее образцово. Сначала смахнула пыль с мебели, вытряхнула на улицу половики. Подмела и вымыла пол. Подмела

также и двор. А затем села написать письмо родителям, в Новгородскую область. Там Сашка служил срочную службу, там познакомился с Наташей, но поженились они уже здесь, в Черноморском. Жили первый год на квартире, а на второй с помощью родителей с обеих сторон купили этот маленький домик.

Наташа с величайшей осторожностью строила свою семейную жизнь. Сашка был такой непостоянный! Жить с ним было так сложно. Она любила его таким. Он и привлек ее прежде всего тем, что всегда стремился в небо. Внутри у него шла борьба и творчество, и жене там не было места. Когда она поняла это, то поначалу обиделась. Попробовала оказать влияние – ничего не вышло. Пришлось смириться и терпеть его постоянное отсутствие, задержки где-то до поздней ночи, его витание в облаках и мечтания о несбыточном, о совершенных мирах, где только музыка и гармония. Он любил свое Солнышко, не хотел отпускать от себя, но и изменить себя не мог. Не хотел менять отношение.

Она проявляла все свои лучшие женские качества, был с мужем терпелива и нежна, в ожидании того благословенного дня, когда он спустится с небес на землю, повзрослеет и ощутит потребность увидеть рядом с собой лицо любимой женщины. Пока же малейшего неосторожного слова хватило бы, чтобы Сашка воспринял все неправильно и еще больше отдалился от дома и Наташи.

Он приехал домой позже обычного. Она ждала его за журналом по вязанию. Как всегда, еда была готова, а Наташа, ненавязчиво помогая мужу снять куртку и шлем, уловила незнакомый запах – запах сигарет. Очевидно, Сашка начал курить. На секунду Наташа вперила взгляд в его непроницаемое лицо, но тут же отвела глаза в сторону.

Ей стоило больших усилий удержать в груди глубокий вздох. Спорить с ним было бесполезно. Только терять время и расстраиваться. Но иногда становилось настолько тяжело ждать и молчать, что хотелось заплакать.

Она была и сама еще слишком молода, и ей не хватало опыта и пресловутой женской мудрости.

– Что с тобой, солнышко? – заботливо спросил Сашка, поймав ее странный взгляд.

– Ничего. Ничего.

Она покачала головой, уверенная в том, что настаивать он не будет. Так и произошло, он повесил куртку на крючок, снял ботинки и прошел на кухню умываться и ужинать.

А Наташа удалилась в спальню, не находя в себе сил сидеть рядом с ним за столом, смотреть, как он ест и за едой просматривает газеты. Она для него просто не существовала как личность.

Завтра дискотеку будет вести Леонид, однако Сашка все равно останется там. Это его стихия – музыка.

Наташа машинально сняла халат, надела ночную рубашку и легла в постель, укрывшись краешком одеяла. “И все-таки, чтение за едой у Железовских – это семейное. Аля тоже ест, уткнувшись носом в книгу. Наверное, у кого-нибудь из предков такая привычка была. Завтра надо сходить к ним и помыться. Иначе скоро пропитаюсь пылью”.

О Господи, до чего трудно выбрать наряд для вечеринки у подруги! Алька почти в гамлетовском раздумье стояла перед своим шкафом. Везде, кроме школы, она ходила в джинсах или спортивных штанах. Но Лора строго-настрого предупредила: никаких брюк, иначе она, Лора, никуда с ней не пойдет.

Нет, платья у нее, конечно, имелись, и нарядные тоже, но без посторонних советов она не могла выбрать ничего подходящего. А посторонние советы она не любила, и все тут.

“Если я надену слишком красивое платье, то буду выглядеть просто смешно. С моими габаритами – в калачный ряд? Нет, лучше оденусь поскромнее”.

Придя к такому выводу, она сдернула с вешалки платье из серой шерстяной ткани, мягкой и теплой наощупь. Оно было ниже колен длиной, прямое, с застежкой спереди и с длинными рукавами на манжетах. Пока Алька его гладила и надевала, то сильно колебалась. А когда увидела себя в зеркало, сделала невольное движение, чтобы снять платье.

К счастью, в этот момент пришла Лора и навела порядок. Бросив на подругу всего лишь один взгляд, Алька завистливо скривилась. На высокой стройной фигуре Лоры все смотрелось как влитое – длинная прямая черная юбка с разрезом сзади и пушистый розовый свитер, расшитый на груди блестками и бисером. “Почему, черт возьми, я не худею от тренировок?!”

– Аля, ты выглядишь великолепно. Давай, я расчешу тебе волосы. Может быть, соберешь их сверху?

– Никогда, – отрезала Алька.

Волосы у нее были каштановые, с отдельными светло-рыжими прядями, выгоревшими на солнце прошлым летом. Тогда она сделала стрижку “каскад”, теперь прическа отросла чуть ниже плеч.

– Прекрасно. Просто прекрасно, – констатировала Лора, отступая на два шага и любясь подругой, как произведением искусства, но Альке это совсем не понравилось.

– Мы идем или нет?

– Идем, – улыбнулась Лора.

Лена жила в девятиэтажном доме на одной из центральных улиц. Девочки шли быстро, их подгонял пронизывающий ветер и темнота на опустевших тротуарах. Но временами походка Альки становилась нерешительной. Наконец, она совсем остановилась.

– Ты что? – удивилась Лора.

– Лорка, я не могу! – жалобно сказала Алька.

– Да что с тобой?

– В этом платье и сапогах я выгляжу клоуном...

Лора подошла к ней, схватила за локоть и потащила за собой, возмущенно сверкая на нее глазами:

– Кончай придирааться! Я не могу за две минуты сделать из тебя королеву красоты! Ты сама когда-то не захотела учить вместе со мной походку леди – и теперь жалеешь.

Они поднялись на лифте на девятый этаж.

Алька снова засомневалась:

– Слушай, а сколько народу там будет?

Лора свирепо на нее уставилась:

– Много! Ну, откуда я знаю? Еще одно слово – и я тебя стукну. Не комплексуй, Аля. Все будет нормально, только не комплексуй. Впрочем, я не знаю, есть ли у тебя чувство меры.

И она нажала на кнопку звонка.

Лена Замятина была дочерью директора пансионата “Голубая волна”. Трехкомнатная квартира была соответствующих размеров, а поскольку сам Замятин являлся вдовцом, а старший брат Лены, Гриша, очень дружил с сестрой, то все три комнаты товарищ Замятин временно предоставил в распоряжение молодого поколения, уехав по делам в Новороссийск на целую неделю. Общество здесь собралось многочисленное и весьма блестящее, даже элитное – никого из простых смертных, уличных подростков, а в основном дети, определившие свой жизненный путь, без вредных привычек и никак не связанные с неформальными тусовками.

Алька сюда попала на правах лучшей подруги Лоры и близкой знакомой именинницы. В этом кругу, помимо всего прочего, знали, что ее брат ведет лучшую дискотеку в городе.

Лена открыла дверь. В комнатах, за ее спиной, слышался гул голосов. Лена была в белоснежном костюме и сияла от радости.

– Привет, Лариска, привет, Алинка! Заходите же!

– С днем рождения, Леночка! – поздравила Лора.

Лена приняла от нее цветы и хрустящий целлофановый пакетик, где лежали две книжки и открытка. Книжки подруги выбирали в магазине вдвоем. Лора купила сборник рассказов Чехова, Алька – “Замок Броуди” Кронина. Русскую классическую литературу Алька уважала и не имела ничего против нее, но ни за что не стала бы читать ее по собственной инициативе.

Пока Лена ставила цветы в воду, Лора наклонилась к уху Альки и тихонько посоветовала:

- Застегни верхнюю пуговицу.
- Она меня душит, – шепотом ответила Алька.
- Все равно застегни. Иначе платье выглядит как теннисная рубашка.
- Отстань.

Игоря Исаева еще не было, в чем Лора убедилась, обойдя все три комнаты и кухню, хотя остальные были в сборе, так как больше никто не приходил. Лора забеспокоилась, явится ли Игорь вообще. Лена успокоила ее. Просто он приведет с собой своего друга из Новороссийска, какого-то спортсмена.

Алька не стала расхаживать по квартире вслед за Лорой, а, напротив, постаралась ступать. Она села в свободный уголок дивана и исподлобья уставилась в экран телевизора. Там показывали мультфильмы, но звук предусмотрительно отключили, чтобы не мешал разговорам. Альку не замечали и не заговаривали с ней, чему она была вполне рада – непривычная одежда сковывала ее, как железные кандалы, хотя и в любом другом наряде она все равно чувствовала бы себя пятым колесом в телеге. Поэтому она вела себя тихо, словно мышь, лишь бы не портить другим праздник своим кислым видом.

Громко зазвенел звонок, но на него никто не обратил внимания, кроме именинницы, которая заспешила открывать дверь запоздавшим гостям. Вошли Игорь Исаев и еще один молодой человек – его Алька никогда раньше с Игорем не видела.

Друзья подошли к Лоре, и она с милой улыбкой сделала Игорю замечание. Он, судя по всему, извинился и представил ей своего товарища. Алька, за неимением лучшего, принялась наблюдать за ними. Незнакомый молодой человек был, несомненно, очень привлекателен. Среднего роста, но с идеально пропорциональной фигурой, одетый с иголочки. Он смотрел на всех с легкой насмешливой улыбкой и принадлежал к той категории людей, которые имеют свое независимое мнение и предпочитают на общие темы не распространяться. Алька пришла к такому выводу, видя, как он спокойно выслушивает речи многочисленных собеседников, но сам за все это время не произнес и десятка слов. Но вот его и Игоря отвлекли от беседы, и гости начали садиться за стол.

Алька вынуждена была покинуть свое убежище и передвинуться на другой конец дивана, к самому углу стола.

Соседом справа оказался объект ее недавних наблюдений.

Видя тесноту и то, сколько людей должны втиснуться за столом, Алька приподнялась с намерением сесть на углу.

– Не советую, – веселым голосом сказал ей сосед справа, то есть тот, с кем ей больше всего не хотелось сталкиваться. Прежде всего потому, что он был самым красивым молодым человеком из всех, кого она когда-либо встречала.

Глаза у него были такие же веселые, как и голос, и яркого синего цвета. И улыбка была все та же – спокойная и приветливая. Он с интересом оглядел нескладную девочку со взглядом дикарки и протянул руку для знакомства:

– Елизаров Анатолий. Старухи верят, что девушка, сидящая на углу стола, никогда не выйдет замуж.

Она, недоверчиво блестя темными глазами, пожала ему руку.

– Алька Железовская. Не личное ли это дело?

По опыту она знала – такой агрессивный прием лица мужского пола не любят и предпочитают не связываться с ней. Тем более что она далеко не красавица. Но сосед оказался не из пугливых, и его не смутил начатый артобстрел. Он усмехнулся и произнес:

– Не лучше ли подстраховаться?

Садясь на место, она задела локтем его плечо.

– Извини, – и отвернулась.

– Ничего.

Он невозмутимо и открыто ухаживал за ней. Казалось, он не замечал ее мальчишеских замашек и угловатых движений. А она сидела как на иголках, вспыхивая всякий раз, когда он наклонялся к ее уху с вопросом: что ей подать, что ей налить, пьет ли она шампанское? Она отвечала тихо, с удивлением прислушиваясь к самой себе. От Толика, как от костра, исходил жар, но, похоже, его чувствовала только Алька.

Вскоре столы сдвинули в угол комнаты, чтобы освободить место для танцев, и включили музыку. Танцевать Алька не умела, в основном потому, что стеснялась. А Лора с Игорем, Лена, Гриша и прочие тут же встали в круг.

Решив, что настал удобный момент улизнуть отсюда, Алька шмыгнула в прихожую, с трудом нашла в горе верхней одежды свою куртку, натянула сапоги.

– Руки вверх! – раздался за спиной все тот же веселый голос.

Она замерла на месте, затем медленно повернулась к нему.

– Наконец-то я тебя нашел! За дезертирство тебя можно приговорить к расстрелу. Чем тебе не нравятся современные танцы?

– Только тем, что не каждому удастся их освоить, – язвительно ответила она и закончила надевать левую перчатку.

– Ну, всего-то... – разочарованно протянул он. – Просто тебя некому было научить. Ладно уж, так и быть, сдавать властям я тебя не буду. Лучше я пойду с тобой.

– Чего, чего?

Она даже растерялась от такого предложения. Вот пристал! Но он хладнокровно надел спортивную куртку с полосками. В сумраке прихожей его глаза стали совсем черными, а зрачки переливались как роса.

– Можешь меня не благодарить. Я в курсе, что на всех улицах земного шара таким бойким девочкам, как ты, одним, да еще в темное время суток, ходить небезопасно. И если не владеешь приемами самообороны, то можно основательно влипнуть. Пойдем.

Они вышли на площадку.

Толик вызвал лифт, Алька запуталась ногами в длинной юбке, слишком узкой, и сказала с вызовом:

– Знаешь, я передумала.

– Ты хочешь вернуться? Я – нет. Давай-ка я лучше покажу тебе одно из самых красивых зрелищ в городе.

– Да? – удивилась она.

– Пойдем.

Он взял ее за руку и повел за собой наверх. Раньше Алька не знала, что здесь есть выход на крышу. Она вообще никогда раньше не задумывалась, можно ли выйти на крышу высотного дома и как это все будет выглядеть.

Зрелище и впрямь было потрясающее.

Панорама ночного города – небо, бегающие или неподвижные огоньки, шум моря, едва различимый, глухой, но явный для жителей побережья, которые привыкли к нему с рождения. Вдалеке, где был расположен гарнизон, можно было разглядеть взлетающие самолеты. Шум автомобилей сюда почти не достигал.

– Как здорово! – восхищенно сказала Алька и повернула к Толику лицо, на котором лежали черные тени и золотистые отблески огня. Он кивнул.

– Сверху даже родной город кажется чужим и незнакомым, – произнес он тихо.

Здесь, наверху, было куда холоднее, чем на земле. Ледяной ветер свистел в ушах и обволакивал непокрытую голову со всех сторон. Алька невольно передернула плечами.

– Холодно? – с сочувствием спросил Толик. – Иди сюда.

Его куртка была расстегнута. Он прикрыл девочку, обняв ее сзади за плечи. Сопротивляться было поздно, да и бессмысленно – он вроде бы не собирался делать ничего плохого, просто укутал ее от холода, и если она вдруг начнет вырываться, он еще решит, что она ненормальная.

К тому же, с ним было так хорошо, тепло и уютно!

Она подняла к нему лицо, но увидеть не смогла – она сзади, зато так он лучше его услышит.

– Ты сказал про родной город. Ты тоже здесь родился?

– Да. Но потом мои родители разошлись, мама со мной уехала в Новороссийск, а папа остался.

– И что теперь? – заинтересовалась Алька.

Ее волосы чарующе блестели, глаза и губы – тоже.

– Много будешь знать – скоро состаришься. В каком классе ты учишься? – Он был хозяином положения.

– С чего ты взял?..

– По взгляду можно безошибочно определить возраст, – засмеялся он. – Впрочем, иногда школьницы умело притворяются взрослыми. Но я готов поклясться, что ты учишься в школе. В десятом классе...

– В одиннадцатом, – поправила она, досадуя на свои проклятые манеры и неумение любезничать. Она привыкла грубить всем подряд, всем лицам мужского пола, кроме отца, брата и тренера. А Толику ей грубить совсем не хотелось. Вдруг он обидится?

Неожиданно она испугалась и отстранилась от него. Просто молчание слишком затянулось, и она очень остро ощутила, как близко этот парень. Недопустимо близко. Пусть он ничего не делает, все равно, кто знает, что у него на уме.

– Давай вернемся, – попросила она тихо.

Он согласился, не скрывая своего удивления. “Ну и пусть! – подумала она. – Мне же будет лучше!”

Во всех трех комнатах Замятинской квартиры свет был погашен, только в зале, где собрались танцующие, мигала самодельная цветомузыка, но при ее слабом свете только стоя лицом к лицу можно было узнать знакомого человека.

Алька прокралась вдоль стен и спряталась в спальне самого хозяина. Ей это было безразлично. Она должна была побыть немного одна и согласовать друг с другом мысли и чувства. В комнате было темно, но она нащупала возле окна стул и опустилась на него почти без сил.

В себе она сомневаться не могла – бесспорно, Толик ей нравился, и она с удовольствием еще раз убежала бы с ним на крышу, если бы... Да, если бы она была уверена, что он не смеется. Насмешки она боялась даже больше, чем прямого оскорбления или одиночества. Толик такой симпатичный, а за столом сидели, помимо Альки, такие хорошенькие девушки, одна другой лучше, и игриво улыбались... Улыбаться мальчишкам Алька не умела, да и не хотела. Нет, смеяться над собой она никогда и никому не позволит.

Ну почему, почему она не худеет от тренировок? Хотя, даже похудев, невозможно сразу стать женственной. Нужно учиться медленно и плавно ходить (с ума сойти, какая это мука!) и вообще, измениться полностью, с головы до ног... Выбросить из лексикона жаргонные сло-

вечки, такие иногда меткие, отучиться ехидничать, да усвоить всякие эти взгляды искоса и милые улыбочки...

Но ведь это означает отказаться от того, что ей больше всего в себе нравится! Это значит – поддакивать родителям, Лоре, тренеру, плыть по течению и не иметь своего мнения.

Нет, на такое она не пойдет даже ради дружбы с Толиком. Пусть принимает ее такую, какая она есть, а иначе... иначе пусть убирается ко всем чертям!

Дверь в комнату приоткрылась, кто-то просунул в щель голову и оглядел комнату. Алька надеялась, что ее не видно в темноте, однако ее черный силуэт возле окна отчетливо выделался на фоне темно-синего неба. Толик без колебаний шагнул к ней, пошарил рукой по стене возле двери и щелкнул выключателем. Комнату залил свет.

Жмурясь от яркости, Алька пыталась привести в порядок мысли. От волнения она решила пойти в атаку.

– Что тебе нужно? – возмущенно воскликнула она. – Не подходи ко мне!

– В чем дело? – изумился Толик. – Я так долго тебя искал...

– Не нужно было!

Она решительно направилась к выходу, оттолкнула его от двери и вышла. К счастью, Лора не танцевала, остановилась передохнуть в прихожей около вешалки, так что не было нужды разыскивать ее в кругу при слабом мерцании цветомузыки. Алька с лихорадочной поспешностью обулась и оделась.

– Что с тобой? – спросила Лора, приглядываясь к подруге. – Тебя что, обидел кто-нибудь?

– Нет, – ответила Алька. – Я пойду домой.

– Ладно, – сказала Лора. – Может быть, тебя проводить? Уже поздно и темно...

– Вот именно. Сама обойдусь.

Она пулей вылетела из квартиры, словно сама эта атмосфера угнетала ее. Лифта дожидаться не стала, спустилась по лестнице чуть ли не бегом. Но, очутившись на улице, быстро утратила запал – стало обидно и тоскливо. Будь она такой же красивой, как Лора или Лена, она, поступая точно так же, как сейчас, могла бы верить в то, что Толик бросится ее догонять. “Черт бы меня побрал!”

По телу пробежала дрожь. Она подняла глаза. Она прошла гораздо меньше, чем ей казалось. Но сил двигаться живее не было. Она тихонько брела по улице, понурившись и задумавшись.

Вдруг она услышала за спиной торопливые шаги. На удивление знакомый голос Толика окликнул ее. Она остановилась и обернулась. Его появление до того соответствовало ее мыслям, что в первый момент она смешалась. А потом бросилась бежать.

Ах, если бы ей не мешала эта длинная узкая юбка! Никто лучше нее не бегал кроссы.

Не успела она сделать несколько шагов, как Толик догнал ее. Он схватил ее за плечи и даже сквозь холодную куртку ощутил их тепло. И повернул ее к себе лицом.

– Пусти меня! Я тебя боюсь! – в отчаянии выпалила она и сделала тщетную попытку вырваться.

С первого взгляда она поняла: он зол не на шутку.

– Нет, подожди! Сначала поговорим, госпожа недотрога. Чем я тебя напугал? Я похож на бронтозавра?

Она молчала.

– А на крыше... – продолжил он, но она прервала его еще одним рывком, за что и была наказана – он усилил хватку, а руки у него были из тех, которыми жмут гири.

Плечи свело от боли.

– На крыше, – твердо продолжил он, – я просто хотел согреть тебя и поговорить, как цивилизованные люди. Я не знаю, что в этом плохого, и не в силах вникнуть в твои маневры. Что я сделал не так? Или я действительно похож на людоеда?

Она опустила голову и отвернулась, чтобы скрыть непрошенные слезы, и поднесла к глазам руку.

– Да при чем здесь ты! – воскликнула она. – Оставь меня в покое! – добавила она дрожащим голосом, совершенно сломленная неравной борьбой, которая происходила сейчас у нее внутри. С одной стороны, инстинкт самосохранения подсказывал ей, что самое время удирать со всех ног подальше от опасности всерьез влюбиться, а потом быть осмеянной. С другой стороны, железная логика уверяла: так, как раньше, уже никогда не будет. Толик первым из всех людей земного шара осмелился заговорить с ней в таком тоне, не испугался ее колючек и потребовал объяснений. И сделал ей больно. Больно, как никогда.

– Я не оставлю тебя в покое, – настаивал он. – Кончай плакать и посмотри на меня. Ага, ты плачешь, потому что злишься. На меня? На что?

Еще одно усилие для рывка, от которого она подпрыгнула, но не спаслась ни от хватки, ни от щекочущего душу взгляда прищуренных синих глаз.

– Да при чем здесь ты! – Она окончательно вышла из себя. – Просто я... я такая некрасивая!

– Что?!

Пораженный Толик выпустил ее. Но у нее уже не было сил. Она стояла, отвернувшись, и плакала. Ее уже не заботило, как он о ней думает. Поскорее бы он ушел.

– Глупая, – убежденно сказал он. – Какая же ты глупая! Разве в человеке самое главное – быть красивым? Ты хоть понимаешь, почему ты мне так понравилась? Потому что ты хорошенькая и не похожа на других девчонок. Я думал, ты знаешь, что это тоже может быть привлекательным. – Его голос тал мягким., он приподнял за подбородок ее лицо. – Ну же, кончай плакать. Давай будем друзьями. Мир?

– Мир, – согласилась она и слабо улыбнулась.

И они отправились гулять по улицам.

Алька очень осторожно говорила о себе, тщательно избегала даже намеков на увлечение футболом, чтобы он не решил, что она окончательно помешалась. Каково же было ее удивление, когда он сообщил ей, что сам он – футболист и на данный момент тренируется с новороссийским “Гекрисом”. Она замерла на месте и несколько минут колебалась, признаваться ему о своем умолчании или нет. И осталась пока при том. Что уже рассказала.

Они долго ходили по улицам, около получаса бродили по набережной, вдыхая соленый морской запах, держась за руки, и Аллька сама не заметила, как начала ступать медленно и плавно, с целью растянуть удовольствие и ставший вдруг таким маленьким и коротким город.

Толик хотел проводить ее до дома, но она не разрешила. Испугалась, как бы родители не увидели его. Она внезапно и болезненно ощутила, как сейчас поздно и холодно. А она говорила Лоре, что уходит домой! О Боже, какие дела там сейчас творятся! И что предстоит еще пережить!

Она торопливо попрощалась с Толиком, подобрала повыше юбку и со всех ног бросилась бежать два квартала до пятиэтажки на Садовой. Возле подъезда она приостановилась и бросила взгляд на окна второго этажа. В кухне, во всяком случае, свет горел.

Дверь была приоткрыта.

Алька решительно дернула ручку и оказалась лицом к лицу со своей матерью, находящейся на самой последней стадии отчаяния. Но при виде дочери, запыхавшейся и румяной после быстрого бега, с блестящими глазами, отчаяние сменилось яростью.

Забыв о том, как девочка обидчива, мать начала на нее кричать, выплескивая все чувства, пережитые за четыре долгих часа, когда с праздника вернулась Лора и явилась к Железновским узнать, как дошла подруга. У Лоры вылетело из головы, что Толик ушел от Замятиных почти сразу после Альки.

Алька стояла в дверях неподвижно и молча, даже не пытаясь защититься от нападков и преувеличенных обвинений. Она смотрела тупо и отчужденно. Из всех сил хотела стать отсутствующей, посторонней, потусторонней, чтобы не слышать этих слов, похожих на иступленные удары кинжалом, или на обжигающее клеймо. Конечно, позже она могла понять, что вся эта бесконечная речь – всего лишь результат переживаний и гнева, а потому не следует воспринимать слишком близко к сердцу нанесенные оскорбления. Будь она взрослой девушкой, она так и подумала бы. Но Алька была еще подростком, импульсивным ребенком. И ей невыносима стала сама мысль о том, что мать сейчас говорит так, как действительно думает.

Дослушав обвинительный акт до конца, Алька опустила глаза и прошла к себе в спальню. Она соглашалась с тем, что виновата, так как должна была позвонить Лоре и предупредить, где она и с кем. Да, она чувствовала себя виноватой, но теперь она скорее откусит себе язык, чем признается в этом.

Настроение было преотвратительное. Ничего не хотелось. Уже давно проснувшись, Алька неподвижно лежала на спине и бессмысленно разглядывала трещину на потолке. Из кухни доносились обычные звуки – стук крышек и кастрюль, шум воды из крана и звон ложек о тарелки. Засвистел на плите чайник. В зале также не было тихо, отец включил телевизор, там шла передача “120 минут”. А Алька все лежала, заложив за голову одну руку, и сама мысль о том, что придется вставать, одеваться, завтракать, идти в школу и учиться, вызывала у нее отвращение. Мама не заглядывала в ее комнату, как обычно, с веселой побудкой: “Алина, пора вставать! Уже поздно!”

Алина... Дурацкое имя.

Резким движением она сбросила одеяло и вскочила на ноги. Быстро оделась, умылась, стараясь избегать даже взглядов в сторону кухни. И так как время до ухода еще было, она не стала завтракать, а вернулась к себе, нацепила наушники и принялась слушать самую тяжелую для восприятия музыку – группу “Союз”. Сейчас ей было нужно именно это. Она знала, что, даже если мама и позовет ее завтракать, она не услышит, а мать при данных обстоятельствах настаивать не будет. Для этого пришлось бы толкнуть ее в плечо, а мать мнит себя слишком правой, чтобы умолять.

Так и произошло.

Не произнеся ни слова, Алька вышла из квартиры и на площадке столкнулась с Лорой, которая выражала недоумение по поводу задержки. Обычно Алька выходила раньше и ожидала подругу, пока та закончит собираться.

– Что-то ты долго, – сказала Лора. – Я уже хотела звонить. Что-нибудь случилось? Где ты вчера пропала?

– Привет, – буркнула Алька, явно ее не слушая. Это можно было бы назвать рассеянностью, не будь она такой мрачной.

Лора замолчала и посмотрела на нее внимательней. Нет, кажется, это все та же Алька – с колючим взглядом, порывистыми движениями, без головного убора, и на темном фоне волос кое-где отчетливо выделялись светлые пряди. Но что-то все равно было не так.

– Ты не заболела? – спросила Лора.

Алька ей не ответила. Они спустились во двор и направились в сторону школы. Лора говорила с ней, но та ее не слушала, шла молча и сосредоточенно, глядя в одну точку, и думала о своем. И так остервенело пинала ногой попадавшие по дороге камешки, что Лора всерьез встревожилась и схватила ее за рукав куртки.

– Аля, стой. Что происходит? Где ты вчера была?

Алька долго смотрела ей прямо в глаза своим физически ощутимым взглядом, затем выдернула рукав другой рукой и сквозь зубы сказала:

– Я делаю, что хочу!

Лора отступила, обиженная и по-прежнему недоумевающая.

– Ну конечно, Аля.

– Вот и отстань.

До школы они доли в полном молчании. Чуть не опоздали к звонку. Завуч проводила их удивленными глазами: ну, Алька еще могла опоздать, но Лора? Эта на редкость аккуратная Лора?

“Между ними черная кошка пробежала”, – решили в школе, однако ошибались. Просто Альке сейчас необходимо было одиночество, чтобы разобраться в себе и хорошенько подумать.

Домой подружки шли врозь. Алька специально не стала дожидаться, а убежала сразу после звонка с шестого урока, не загадывая по дороге в магазины. Дома она лишь переделалась в спортивный костюм, захватила заранее приготовленную сумку (там, кстати, лежали мыло, полотенце, расческа и тренировочные кроссовки, в которых удобно играть и в теннис) и пошла на стадион, хотя до ежедневных занятий было еще без малого три часа. Она и не думала, что могла остаться дома и пообедать или сделать уроки. Сейчас ей была несносна сама мысль об этом. Противно было смотреть и на собственную комнату с ее неприбранной постелью, беспорядком на столе и запылившимся зеркалом, вставленным в дверцу шкафа. Поэтому она спаслась бегством от неожиданно надоевшей обстановки.

На стадионе было совершенно пусто. На двери раздевалки висел здоровенный замок. Алька не посмотрела на него, бросила сумку к себе, расстегнула куртку и направилась на основное поле. Там она принялась прохаживаться в разные стороны, время от времени развлекаясь легкими пробежками. Она задумалась, так, как не задумывалась никогда в жизни.

Что бы она не делала, чем бы не занималась, ее душа загоралась только здесь, на поле, в игре. Она жила игрой. Она отдавалась ей целиком и полностью, как ничему другому. Весь мир для нее исчезал со свистком арбитра, возвещавшим о начале матча. Возможно ли любить футбол сильнее, чем любила его она?

И пусть хватается за сердце мама, пусть хохочут и потешаются над ней все вокруг, пусть осуждают или игнорируют – она не сможет жить без футбола.

Постепенно ее захлестнули новые мысли. Захотелось стать вровень к кем-нибудь знаменитейшим – ну, к примеру, Юргеном Клинсманном, или Роберто Баджо, – и вступить в борьбу с любым соперником на уровне лучших команд мира. Хотя бы в мечтах. Внезапно она перестала ощущать окружающее, для нее не существовало теперь ничего, кроме поля и игры.

Со стороны это выглядело более чем странно: по совершенно пустому полю металась какая-то сумасшедшая девчонка, то устремлялась вперед, ведя воображаемый мяч, то выделяла хитроумные финты, то останавливалась и переводила дух. В одну из таких остановок она вдруг краем глаза заметила, что у беговой дорожки кто-то стоит. И до того она увлеклась своими мечтами, что зритель этот показался ей тоже плодом воображения. Не сразу она вернулась с небес на землю – слишком уж приятно было витать в облаках. А когда вновь посмотрела в том направлении, увидела, что зритель все еще там, стоит и пристально ее разглядывает.

Она не узнала его тут же, издалека, да при дневном свете. Сама же она представляла собой довольно занятное зрелище. Разгоряченная несуществующим сражением, сверх меры возбужденная, с розовыми от прилива крови и холодной погоды щеками, с растрепанными волосами – их просвечивало заходящее солнце и делало их золотистыми. Ну что за девочка!

Она была застигнута на месте преступления и, хотя ей очень не хотелось, вынуждена была подойти. А приблизившись, невольно вскрикнула. Ну какая же дура! Теперь-то уж точно попалась. Как можно было не узнать с первого взгляда это лицо, эти густые волосы, веселые синие глаза!

– Привет, – сказал Толик.

Он не в силах был сдерживать улыбку, видя ее растерянность. А она не знала, куда ей деться, от смущения и досады.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она, вовсе не к месту, и не успела прикусить язык. Но он не обиделся.

– Я очень рад, что встретил тебя, именно здесь и именно сейчас, – сказал он. – Собственно, если бы я уже не знал, чем ты занимаешься в свободное от учебы время, то понял бы это из твоих действий несколько минут назад.

– И кто же меня выдал? – хмуро поинтересовалась она, засовывая руки поглубже в карманы куртки и встряхивая головой, чтобы откинуть с лица упавшие волосы.

– Ты думаешь, Игорь Исаев не в курсе твоего увлечения?

Она усмехнулась:

– Я о нем, честно говоря, и не вспоминала. Я вижу с ним изредка и не имею к нему никакого отношения. Зачем ты расспрашивал его обо мне?

Он покачал головой.

– Наверное, просто так. Проклятие, как ты мне нравишься!

Возникло жуткое молчание. Неожиданно Алька покраснела, его слова и выразительный взгляд смутили ее до невозможности и эхом отдавались у нее мозгу. Она опустила голову и даже отвернулась, устремив глаза на угловой сектор. Он улыбался радостно и светло.

– Завтра рано утром я уезжаю в Новороссийск, – сообщил он. – Поэтому хотел встретиться с тобой еще раз, а вчера как-то забыл спросить у тебя самой, где тебя можно найти. К счастью, об этом знал Игорь.

Ни с того, ни с сего Алька покраснела еще сильнее. И совсем отвернулась, с глупейшей мыслью в голове: хорошо, что волосы прикрывают пылающие уши, и есть надежда, что он ничего не заметил.

– Ты не возражаешь, если мы пройдемся немного? – предложил Толик, озадаченный ее долгим молчанием и неприветливостью.

Она кивнула, не поворачиваясь к нему, не позволила взять ее за руку и медленно пошла рядом с ним к выходу. Тогда он понял: с ней что-то неладно.

Несколько минут длилось молчание. Они прогуливались по улице, не удаляясь от стадиона. Алька так нервничала, что несколько раз шмыгнула носом.

– Ну-с, миледи, – не выдержал Толик. – Что стряслось? Из-за чего ты беспокоишься?

Внезапно она повернула к нему лицо и резко ответила:

– Да. – Еще и остановилась, чтобы произвести большее впечатление! – Я беспокоюсь, и единственная причина этого – ты.

Он немного помолчал, затем произнес ровным голосом, который придал его словам особую мягкость:

– Мне было бы очень лестно это услышать, если бы не твой тон. Ты что, на грани психоза?

– Да, – отрывисто сказала Алька. – Наверно.

– Почему же?

– Сказать честно? Я тебя боюсь.

Он улыбнулся:

– Я такой страшный?

Так уверенно и спокойно это мог сказать только человек, обладающий безупречной внешностью! Алька невольно бросила на него взгляд и вновь подивилась: что ему, такому видному, симпатичному парню, понадобилось искать в ней?

– Нет, – нехотя призналась она. – Ты не страшный. Это-то и плохо.

Он тоже остановился. Теперь Алька могла видеть, с каким замечательным превосходством он держится, и, видимо, не без оснований.

– Так-так, – произнес он, прищуривая глаза. – Похоже, ты мне не доверяешь. Только словами мне не обойтись.

Алька даже отступила на шаг, потому что вдруг остро почувствовала в его шуточной реплике настоящую угрозу, и очень сомневалась, что сумеет спастись бегством.

Он засмеялся:

– Да, я пугаю тебя до потери сознания! Но я не собираюсь целый вечер уверять тебя, что ты не права. Ты сама поймешь это, когда хорошенько поразмыслишь.

За спиной послышались шаги, и они обернулись. Там шла небольшая группа девушек – команда “Амазонка” собиралась на тренировку. Увидев, что Аллька не одна, они тактично обошли их подальше, однако их мерзкое хихиканье было слышно отчетливо. Аллька нахохлилась, как воробей.

– Скоро тренировка? – поинтересовался Толик.

– Да.

– Ладно, я не задержу тебя надолго, – подумав, согласился он. – Только знай одно: я уезжаю в Новороссийск, но скоро увернусь, и на этот раз не к кому-нибудь, а к тебе. И я хочу, чтобы ты помнила об этом.

Она подняла на него удивленные глаза и молчала... Он не шутит? И она ему действительно нравится? От такого ошеломляющего открытия открытие сердце ухнуло в груди и растаяло... Неожиданно она улыбнулась, не сводя с него взгляда, и снова покраснела от его ответной улыбки.

– Ты подождешь меня, правда?

Она несколько раз кивнула молча. Толик проводил ее до входа на стадион и остановил за руку:

– Скажи мне что-нибудь, на прощанье.

Она долго на него смотрела, затем, внезапно осипнув, с трудом произнесла:

– До свидания, Толик.

Он положил руку ей на плечо и чуть было не притянул ее к себе, прежде чем она поняла, что происходит, но тут вновь раздались посторонние шаги, и из-за угла вышел тренер. Его лицо стало строгим, когда он их увидел.

– Здравствуй, Аля, – поздоровался он.

– Здравствуйте, Николай Константинович, – ответила Аллька, до крайности смущенная тем, что Толик не убрал руку с ее плеча и, видимо, не собирался убирать, даже в присутствии тренера.

– Ты идешь? – спросил Николай Константинович.

– Да, конечно.

Тренер прошел мимо. Аллька повернулась к Толику и торопливо попрощалась:

– Ну, до свидания!

– Я скоро приеду к тебе, – пообещал он. – Иди, тебя ждут. До встречи.

Она кивнула. Ее глаза сияли. И когда, уже направляясь в раздевалку, она увидела отчасти ехидные, отчасти оторопелые взгляды девчонок, ее вдруг обуяла дикая радость – а ведь они-то никогда не верили, что она может кому-то понравиться! И что теперь? Толик пришел к ней, их видели вместе. Ух, и почешут же они все языками!

Ну и пусть!

Толик не побоялся даже тренера...

В команде отношение к ней всегда было двояким. С одной стороны, при всей ее замкнутости и отчужденности, каждый чувствовал в ней силу лидера. Не зря капитанскую повязку доверили именно ей, хотя она была среди них самая младшая – всего шестнадцать лет. И, действительно, лучшего капитана в коллективе просто не было. И ее – как-то так получалось – всегда слушались. Исключительно в футбольных вопросах, конечно.

А с другой стороны, они окружали ее заботой и покровительством, как ребенка. В самом деле, этот гадкий утенок напоминал скорее хулигана-мальчишку, чем девушку. И девчоночьих интересов у нее, по сути, не было.

При выходе из раздевалки Альку остановила Катька, со словами, произнесенными не без лукавства:

– У нас в чемпионате новый тренер будет.

Алька приняла это сообщение отнюдь не восторженно:

– Кто сказал?

– Николай Константинович на пенсию уходит.

– Кто сказал?

– А знаешь, кто на его место прибудет?

Алька смерила Катьку глазами. “Вот приставала!” По ее мнению, эта дамочка больше болтала языком, чем играла в футбол, чем оскорбляла и футбол, и команду. Катька это ощущала и не скрывала своей неприязни к маленькому капитану.

– Ну, кто?

– А.Р.

– Я думала, ты серьезно... – На лице Альки появилась улыбка. Она уже давно привыкла к шуткам по поводу А.Р.

– Я серьезно! – убежденно заявила Катька, глядя на нее так, словно хотела увидеть насквозь.

– Брось!

– Да я серьезно!

– Отстань!

– Ты мне не веришь? Спроси у Николая Константиновича!

– Отстань, – непререкаемо сказала Алька и прошла мимо Катьки в спортзал.

Как всегда, сначала была серия физических упражнений, которые Алька не очень любила и иногда халтурила. К тому же, теперь ее мысли были заняты совершенно другим. А именно – Толиком. Поэтому в тот день практически отсутствовала. И никто не говорил ей, как всегда: “Размечталась!”

Впервые в жизни она мечтала о реально существующем человеке, не о киноактере, не о певце, не о книжном персонаже. Точнее, ее мечта приобрела облик и воплотилась, да еще так хорошо! Она думала о Толике, но лишь в общих чертах, для иного она слишком мало о нем знала.

Будто ушатом холодной воды стали внезапно замеченные въедливые взгляды девчонок, Катьки, Тани и других. Алька остановилась и недоуменно на них посмотрела.

– Да, – ласково сказала Таня. – Аля сегодня в трансе.

Девушки засмеялись. Алька не знала, сердиться ли ей, или лучше тоже посмеяться. И в конце концов сконфуженно улыбнулась. Ситуация и впрямь комичная, Николай Константинович давно дал свисток на перерыв, а Алька все продолжала делать упражнение, машинально, полностью погрузившись в свои мысли.

Но тут не упустила случая кольнуть побольнее Катька.

– Интересно только, из-за чего это – радостная весть о работе со знаменитым А.Р. или тот очаровательный молодой человек выбили ее из колеи?

– Без личностей, пожалуйста, Катерина, – упрекнула подругу Таня, впрочем, не очень рьяно. Всем хотелось узнать поподробнее о Толике, а Алька молчала, как могила.

– А что, – не унималась Катька, – разве мы не имеем права спросить, кто это приходит к нашей Але во внеурочное время. И вообще, на месте ее родителей я проследила бы за поведением дочери и ее знакомых.

– Не смешно, – строго оборвала Алька.

Вечером она специально задержалась в раздевалке, чтобы выйти с главным тренером.

Было уже темно и очень холодно. Казалось даже, что вот-вот посыплется снег. Алька ёжилась, тщетно пыталась закрыть тонкую шею воротником. В фиолетовом небе не было видно ни единой звездочки. Зато море грозно пошевеливалось вдали от берега, как разбуженный в берлоге медведь, и его движение чувствовалось даже здесь.

Несколько минут Алька и тренер шли в молчании, не торопясь, хотя из-за одной лишь погоды можно было бы припустить и бегом. Тренер понял, что Алька не зря ждала его, для этого должны быть причины, но она пока не могла подобрать слов поделикатнее, а он не хотел принуждать ее к разговору.

– Николай Константинович, – наконец, начала она.

– Да, Аля? – сразу откликнулся он.

Она вздохнула.

– Сегодня Катя мне кое-что сообщила, и я надеюсь, что она это придумала.

– Интересно, – пробормотал Николай Константинович. – Если бы она была хоть вполвину такой же надежной, как она играет в защите, ей бы не было цены. О чем же она тебе сообщила?

Алька собралась с духом.

– Что в чемпионате у нас будет новый тренер.

Николай Константинович остановился от неожиданности, но лишь на мгновение. Молчание продлилось куда дольше. Вопрос Альки поставил его в тупик. Он еще не решил уход из команды окончательно, и считал, что оповещать об этом девчонок несколько преждевременно.

– Видишь ли, Аля, время берет свое. Я уже очень немолод и не совсем здоров.

– Так это правда?!

Алька тоже встала и устремила на него глаза, в выражении которых нельзя было сомневаться. Ей было больно.

Николай Константинович вдруг вспомнил, что перед ним не только капитан команды, а девочка, самый младший ее член, и горестно вздохнул.

– Я понимаю, Аленька, это крайне неприятно и нехорошо, но я не смогу больше заниматься с вами всеми в полную силу. Я стар и уже не тот, что раньше. Но не стоит так расстраиваться! Я уйду не прямо сейчас, и, кроме того, мы пригласили нового человека, в самом недавнем прошлом знаменитого футболиста, появлявшегося даже в национальной сборной.

– А.Р.? – вырвалось у Альки.

– Да, он, – удивленно подтвердил Николай Константинович. – Уже и это стало известно? Это не шутка, Аля.

Она замолчала и ничего не говорила, пока они не дошли до Садовой, где жил и тренер.

– Ну, до завтра, Аля, – попрощался он и повернул было в сторону своего дома, как она поймала его за руку.

– Николай Константинович, – попросила она.

– Что?

– Не уходите из команды.

Он еще раз вздохнул, теперь уже почти затравленно.

– Не уходите из команды! – взмолилась Алька. – Пусть А.Р. занимается с нами, черт с ним, но только не уходите! Вы нужны нам больше, чем он!

– Конечно, конечно, – уверил ее Николай Константинович. – Это произойдет не скоро, и вы успеете привыкнуть к мысли, что рано или поздно нам придется все же окончательно расстаться. Но я буду, разумеется, приходить к вам, проверять, все ли в порядке. И, поверь мне, А.Р. справится со своей работой.

Алька в отчаянии тряхнула головой и отвернулась, чтобы он не заметил слез в ее глазах.

– До завтра, Аля, – мягко, почти нежно сказал он и направился к себе домой.

– До завтра, Николай Константинович.

За всеми этими событиями Алька совсем забыла о том, что произошло вчера с матерью, поэтому в первое мгновение очень удивилась, встретив дома ледяное молчание. А вспомнив, замкнулась в себе, закрыла наглухо дверь в комнату, надела наушники и принялась слушать музыку.

Вскоре, правда, ей пришлось заняться уроками, но она не слишком долго на них сосредоточивалась – и даже, увлеченная другими мыслями, не помнила, что именно решала по алгебре и геометрии, читала параграфы по физике. Отвлекаясь от уроков на несколько минут, она открыла ящик стола и из-под вороха всяких бумажек и тетрадок достала пачку вырезанных отовсюду, из газет, журналов, календарей, плакатов, фотографии и интервью известного московского футболиста по имени А.Р.

Это был Алькин кумир, ее болезнь, ее самоубийство. Именно он, точнее, его манера игры и поведения на поле, его внешность возбудили в ней интерес к футболу (к нему в футболе), затем переросший в самостоятельное чувство. Алька наивно полагала, что никто ни о чем не догадается, но слишком уж явно она радовалась его появлению на экране и удачным действиям с мячом. Лора скептически пожимала плечами – по ее мнению, футбол был одним из самых скучных и некрасивых видов спорта, и, соответственно, ни одного мало-мальски привлекательного игрока там не нашла. Мать Альки вздыхала тайком: рановато дочка стала разглядывать лиц мужского пола и находить их красивыми! Отец лишь хмыкал с досадой: да отстаньте вы от меня со своими проблемами!

Брат, Сашка, может быть, единственный, кто понимал, как страдает сестра, страдает глупо, сама не зная, из-за чего, льет слезы по ночам над измятыми вырезками и портретами, вчитывается в каждое слово, вглядывается в каждую черту лица, и он в ее воображении оживает...

С годами, правда, это идолопоклонничество поутихло, но все же остался тот бесконечный, глубокий интерес, с каким она иногда думала о нем, говорила о нем, жадно впитывала те жалкие крохи, которые ей перепали – телевизионные репортажи с участием его команды, где время от времени он попадал в кадр.

И это не мог вылечить никто, даже Толик.

Теперь сбудутся самые смелые ее мечты. Она увидит его живого, настоящего, не по телевизору, заговорит с ним, будет с ним работать ежедневно... Когда она предполагала такое, могла предполагать? Раньше это казалось бы ей высшим счастьем на планете! А теперь?

Мысли о предстоящей новой жизни всколыхнули в ней все прежние, улегшиеся было стремления и желания и отгородили от нее окружающий мир. “Как теперь всё сложится?”

Вздвигнув от мягкого прикосновения кошки к ноге, Алька опомнилась, бережно сложила бумажки в целлофановый мешочек и сунула обратно в ящик стола. И, хотя настроение было совсем не рабочее, вновь принялась готовить домашнее задание.

В клубе “Голубой волны” днем царила тишина. Стеклопанельные стены круглого второго этажа были занавешены огромными фестонами из тюля, так что солнце светило сюда беспрепятственно. Очень гладкий паркет, покрытый лаком и ковровыми дорожками, наводил на мысль, что ходить здесь не безопасно. У дальней стены находилось возвышение – полметра, не выше, и здесь к вечеру появлялась высококлассная аппаратура “АКАИ” для самого лучшего звучания музыки. А музыка ставилась не какая-нибудь – Сашка два раза в неделю получал новые записи из Москвы.

В клубе преобладала деревянная, покрытая бесцветным лаком отделка. Это казалось очень приятным, особенно когда кругом включались мигающие установки цветомузыки, на которые Сашка не жалел денег, лишь бы это выглядело как живая радуга.

Днем здесь было пусто и тихо. Только одинокая фигура высокой стройной девушки не спеша бродила вдоль стеклянных стен, и ее длинная тонкая косая тень скользила на чистом полу. Девушка была в расстегнутом зимнем пальто и без шапки, ее длинные волнистые золотисто-пепельные волосы частично выбились из-под воротника и лежали на плечах, легкие и пушистые. Сашка невольно замер на верхней ступени лестницы и залюбовался. И хотя он прекрасно знал, кто это пришел к нему в свободное время, он на миг подумал, что это не она.

– Привет, Лора, – сказал он.

Она обернулась. В ее больших голубых глазах он увидел грустное спокойствие.

– Здравствуй, Саша, – ответила она. – Значит, твое предложение остается в силе? Или ты пошутил?

Он вдруг рассердился.

– Какие глупости, Лора! Мы с Аматыным действительно решили расширить программу и взять исполнительницу. Мы уже приобрели аппаратуру и новые инструменты, составили репертуар. Я даже написал пару своих песен, специально для тебя.

Лора промолчала. Сашка расценил это как отказ.

– Не говори “нет” сейчас, Лора, – попросил он, и его голос дрогнул. – Подумай еще. Я не хотел бы приглашать другую певицу на это место.

Она заметно смутилась.

– Я не певица, – возразила она. – И я не уверена, что смогу справиться.

– Но ведь рядом буду я, – заявил Сашка, и торопливо добавил: – И я тебе помогу.

Она все еще колебалась.

– Если ты не выдержишь, то никогда не поздно уйти, – уже безнадежно произнес он и неожиданно стал похож на свою хмурую сестру. – Никто не станет удерживать тебя насильно. Просто я видел, с каким удовольствием ты занимаешься пением, и тебе это нравится, и я подумал, что ты согласишься.

Лоре стало так жаль его, что она даже протянула к нему руку, но побоялась коснуться.

– Пожалуйста, Саша! – воскликнула она. – Не расстраивайся, я не собираюсь отказываться. Просто ты наверняка разочаруешься во мне...

– Нет, – остановил ее он. – Нет, не разочаруешь. Я слышал, как ты поешь. Я сразу понял, что нам нужна именно ты.

Она испугалась, так как не хотела связывать себя невыполнимыми обязательствами, и в то же время не могла объяснить ему это, боясь его обидеть. На самом деле она давно мечтала петь на публику, но, как и все нерешительные люди, сомневалась в своих силах и тщательно взвешивала все “за” и “против”, когда ей представилась реальная возможность.

– Я... я попробую, – согласилась она уже совсем робко. – Но я уверена, что из этой затеи ничего не выйдет.

– Поживем – увидим, – сказал оживший Сашка. – Слушай, приходи сюда сегодня часа в четыре. Мы с Аматыным закончим работу в котельной и будем тебя ждать.

– Кто такой Аматын? – поинтересовалась Лора.

– Мой друг и напарник. Мы с ним все делаем вместе. – Тут он смутился, так как его слова прозвучали не по делу, и поправился. – Вернее, почти все. Ты придешь, правда?

– Да, приду.

Лоре вдруг стало так спокойно, что она улыбнулась. Сашка улыбнулся ей в ответ, его лицо совершенно преобразилось, и в нем не осталось ничего общего с его сестрой.

– Значит, я приду в четыре, – пообещала Лора, повернулась и направилась к лестнице.

Сашка хотел было сказать что-то ей вслед, но удержался, а потом было уже поздно, она скрылась, и звук ее шагов вскоре исчез из вязкой тишины пустого клуба. Сашка остался один и с мечтательным выражением лица повернулся к стене, в которую ярко светило солнце, белое, холодное, зимнее.

Фигурка Лоры мелькнула внизу, на крыльце, и ее тут же загородила туевая аллея. Лора показалась Сашке неестественно маленькой и игрушечной, как персонаж мультфильма, и такой же ненастоящей. Ему как-то не верилось, что все хорошо, и завтра начнется работа над новой программой, работа с Лорой, как он и хотел. Да и сама Лора вдруг предстала его мысленному взору совсем иной – ничем не связанной с его сестрой, Леной Замятиной или Игорем Исаевым. Теперь она стала и будет единственной и неповторимой Лорой Андреевой, отныне и навсегда.

Вернувшись в котельную, Сашка недолго поколебался, но все же решил поделиться новостью с Леонидом. Тот обрадовался, пожалуй, даже слишком, но на это были причины. Во-первых, его давно точило любопытство, кого же все-таки пригласил на главную роль его приятель. А во-вторых, он также давно хотел приступить к работе над музыкой и аппаратурой, что доставляло Леониду истинное удовольствие, и, наконец-то, Сашка счел нужным начать. В самом деле, с каждым днем приближалось открытие сезона, а у них еще ничего не готово, за исключением текстов и партитур. Да и вдруг, кто знает, Сашкина протеежка окажется не столь талантливой, как они рассчитывают, и все пойдет прахом?

Сашка отказывался думать о плохом, и в тот момент Леонид с ним согласился. Да, уже пора приступить к работе, – решили два друга, причем Леонид в уме добавил: “Иначе помрём со скуки”.

Правда, Сашка в душе очень боялся, что Лора передумает и не придет. И хотя он поминутно уверял Леонида, что все замечательно, тот с усмешкой наблюдал за его нервными прогулками вдоль стены и настраивал свою гитару. Он-то понимал, из-за чего возникал этот потухший, но готовый в любой момент вспыхнуть взгляд, и это покусывание губ! А Сашка воображал, что хорошо умеет сдерживать эмоции.

Просто он не видел себя со стороны.

Но вот послышался мягкий звук открывающейся входной двери внизу и негромкие шаги в холле и на лестнице. Леонид точно знал, когда нужно замереть и уставиться туда, где должна была появиться новая черноморская певица!

И впрямь, ее ждали. Лора тут же догадалась об этом. Сашка будто ожил, его глаза заблестели. Мечта и гордость! Леонид приветливо улыбнулся и постарался не шокировать гостью очень уж оценивающим взглядом, он заметил сразу, что перед ним не женщина-вамп, уверенная в себе и невозмутимая, а юная девушка, почти ребенок.

– Привет! – сказал он и вскинул руку. – Я Лёня Амаатов, друг и напарник вот этого парня. А ты, видимо, наша Патрисия Каас?

– Нет! – засмеялась Лора. – Пока я всего лишь Лариса Андреева. Вернее, просто Лора.

Сравнение с Патрисией Каас ее изумило, Леонид ведь не мог взять его с потолка, поэтому она посмотрела на Сашку с предупреждением: слишком расхваливаешь, не разочаровался бы потом!

– Вот и прекрасно, Лора, – продолжил Леонид, помолчав и заметив, что Сашка почему-то не собирается поддерживать разговор. – Я хочу у тебя спросить: нравится ли тебе, как поет группа “Мираж”?

– Очень! – оживилась Лора. Вполне искренне – эта группа как-то внезапно стала очень популярной, и в одиннадцатом классе даже некоторые мальчишки слушали ее с упоением.

– Хорошо, – одобрил Леонид. – Я спросил потому, что, скромно выражаясь, мы должны быть на них похожи хотя бы чуть-чуть.

– Кто это “мы”? – поинтересовалась Лора.

– Наша группа. Нас ведь будет не трое, а шестеро. Еще трое ребят пока не знают, когда начнется работа над новой программой, но завтра, я думаю, мы соберемся вместе.

Неожиданно Лора улыбнулась весело и хитро.

– В чем дело? – насторожился Леонид.

Лора покачала головой и сказала:

– Странно, ты говоришь так, будто все уже решено раз и навсегда! Неужели ты наперед знаешь, подойду я вам или нет? Ты даже не хочешь прослушать меня, чтобы убедиться, есть ли у меня голос и слух?

Сашка в сумраке задней стены уронил на пол конверт с пластинкой, Дмитрий Маликов. Леонид на него предостерегающе оглянулся, а Лора поморщилась от неприятной резкости этого звука. Сам же Сашка постарался стушеваться.

Тогда Лора, внезапно разозлившись, сняла пальто, бросила его на перила лестницы, вызывая сложил руки на груди и запела одну из своих любимых песен, на английском языке, из репертуара “Биттлз” – “Let it be”. И впервые в этом зале раздался ее сильный голос, который она могла сделать высоким или низким, страстным или нежным, хриплым или звучным. Сашка замер на месте, словно боясь спугнуть этот прекрасный миг, и наслаждался исполнением песни, как жаждущий – родником прохладной воды. Леонид весь подался вперед, отложив в сторону гитару, его глаза удивленно округлялись... Теперь и он понимал, какой клад нашел Сашка в этой девчонке, и лучше просто не может быть.

А Лора закончила петь и слегка смутилась, поскольку считала такие приступы эмоций неуравновешенностью и старательно их избегала. Это ее всегда раздражало в Альке, и она подумала, что лучше быть спокойной и сдержанной, чем психичкой. За это Алька и звала ее “занудой”.

Сашка сиял своими большими задумчивыми глазами из-под дальней стены, но больше от удовольствия, нежели от эгоистической гордости. Лора случайно поймала его взгляд и даже порозовела, так неловко ей стало перед скрытым восхищением.

– Извините, – пробормотала она.

– Да что ты, – возразил Леонид. – Это было потрясающе! И пожалуй, мне нравится больше, чем Патрисия Каас. Не отворачивайся, я серьезно!

– Может, я лучше начну уже разучивать тексты вашей новой программы? – уклонила от ответа она.

– Не “вашей”, а “нашей” программы, – подчеркнул Леонид. – Эй, Александр! Оглох, что ли? Принеси распечатки!

Сашка удалился в помещение, называемое ими подсобкой. Там они запирали свою аппаратуру, слишком дорогостоящую, чтобы оставлять ее днем без присмотра, и пластинки с кассетами. Сашка подозрительно долго там возился. Леонид, устав его ждать, мирно спросил у Лоры:

– Сашка говорил, у тебя музыкальное образование?

– Да, кое-какое. А что?

Леонид покачал головой:

– Ничего. Просто это очень хорошо для того, кто хочет петь по-настоящему. Одного таланта, даже если он грандиозен, может оказаться слишком мало.

Лора согласно кивнула и обеспокоено посмотрела в открытую дверь подсобки, откуда виднелся включенный свет и угол большого усилителя. Сашка все не шел.

Наконец, он вынес две нотные тетради, достаточно толстые, чтобы вместить весь творческий потенциал амбициозного поэта и композитора, то есть самого Александра Железковского.

Он поднял голову и лучисто заулыбался:

– Раньше я думал, что придется упростить некоторые композиции для более легкого исполнения, а теперь уверен, что каждая из них станет мировым хитом!

– Не загибай, – остановил его Леонид, – скромник.

– Я не загибаю, – возразил Сашка. – Сам же знаешь.

Лора взяла у него тяжелые тетради, отошла к стене, куда светили фонари, правда, очень слабо, и принялась мурлыкать про себя и слушать, как это все звучит.

– Она просто прелесть, – констатировал вполголоса Леонид. – Где ты ее нашел, Железовский?

Тот сделал вид, что не расслышал.

– Не прикидывайся глухим, – так же вполголоса, чтобы не мешать Лоре, продолжил Леонид. – Это что, Алькина подружка?

– Да, – не сразу ответил Сашка.

– Значит, школьница. Ее родители дали согласие на это дело?

Тут Леонид даже прищурил глаза и заметил, как приятель помрачнел и повернулся в другую сторону.

– Так-так, – сказал Леонид безжалостно. – Я не дурак, Железовский. Какого черта ты затеял?

Сашка тяжело вздохнул.

– Она сама не хочет говорить об этом. Никому, Амагов. Будь добр, помолчи. Это ее право. Она боится, как бы не узнали, что она попробовала петь, а ее освистали.

– Ее не освищут.

– Ее в этом сейчас не убедишь. Даже если она услышит в свой адрес бурю оваций, то решит, что ей аплодируют из жалости.

Леонид скривился.

– Проклятие, Железовский! Дело может закончиться судебным разбирательством, и Замятин устроит нам “утро стрелецкой казни”. Впрочем, как знаешь. Я не стану вмешиваться.

– Вот и правильно.

– Не уверен.

Вдруг Лора захлопнула тетради и вернулась к Леониду и Сашке.

– Знаете что, ребята, я лучше изучу их дома. Здесь я почему-то не могу как следует сосредоточиться. Да и вообще, уже пора. Я сказала маме, что не задержусь допоздна. Вы не будете возражать, если я пойду?

– Конечно! – Леонид выразительно махнул рукой.

А Сашка спохватился:

– На улице совсем темно! Я подвезу тебя на мотоцикле.

Лора благодарно улыбнулась и кивнула. И, зажав тетради в руках, пошла надеть пальто. Леонид со смехом пожелал ей вслед:

– Скажи ему, чтобы ехал потише! Иначе вас оштрафуют, или ты свалишься в обморок прямо на дорогу.

Лора порядком струсилась при этих словах, но не подала виду, посчитав это за шутку. Однако Сашка заметно сконфузился и чуть было не пригрозил другу пальцем: мол, роняешь в лужу репутацию. Уж Лору-то он повезет бережно, будто она сделана из хрупкого стекла.

Способен ли этот земной человек, Леонид Амагов, до конца понять и оценить все его настроения и особенности? Способен ли кто-нибудь вообще сделать это?

Тетради Лора сложила в пакет и подождала, пока Сашка наденет куртку и возьмет шлем.

– Второго шлема у меня нет, – извиняясь, произнес он. – Ну, ничего, я повезу тебя по тем улицам, где не бывает постов ГАИ.

Она глядела в его лицо и улыбалась, такой он был милый и забавный. Как мальчишка. А она – как взрослая девушка, и намного старше, и даже умнее его. Он поймал ее взгляд и замер от неожиданности. Она снова смутилась и покраснела, так как не поняла его странной реакции на ее взгляд.

В полном молчании они дошли до котельной, где стоял его мотоцикл. Лора дрожала от непривычного холода, но он не замечал этого. Он будто совсем забыл о ней, целиком погрузившись в свои мечтания, в созданные его фантазией миры, недоступные для других людей. Теперь Лора могла без опаски сколько угодно разглядывать его, но уже не решалась.

Надев шлем и застегнув у подбородка ремешок, он выкатил мотоцикл на аллею и завел. Внезапно Лора испугалась, когда увидела воочию настоящий мотоцикл так близко, а грохот мотора поверг ее в такую панику, что она попятилась. И увидела удивленные глаза Сашка под пластмассовым козырьком.

– Садись, – пригласил он и по-кавалерски протянул руку.

Ей стало стыдно за свой детский, неразумный страх. “Все же Саша старше меня и гораздо сильнее!” Она неловко уселась позади него и крепко ухватилась за ремешок, пришитый поперек седла, чтобы не упасть. Она чувствовала под собой дрожь и живую шаткость мотоцикла, и от этого у нее слабели колени.

– Держись крепче! – подсказал Сашка, убрал ногу с дороги и выжал сцепление. Машина взревела и рванулась вперед.

Что это был за восторг! Сашка пощадил впечатлительность своей спутницы и не лихачил, но ей оказалось достаточно и этого. После того, как глупый испуг куда-то делся, она ощутила, что гонка по вечерним переулкам в стороне от центральных улиц ей до невероятия нравится. Она широко улыбалась, безуспешно пыталась сдуть прилипшие от встречного ветра к лицу волосы и готова была засмеяться, засмеяться без причины, просто потому, что все это пришлось ей по душе.

К дому на Садовой они приехали быстро. Лора с трудом слезла с сиденья, взяла пакет с тетрадями и песнями, рукой отвела от лица волосы. Сашка явно видел, как ей радостно, но из-под шлема смотрели только его улыбающиеся глаза. Она хотела взять себя в руки, и это ей никак не удавалось – езда, должно быть, растрясла всю ее сдержанность. Тогда она все-таки рассмеялась.

– Я завтра приду, Саша, – сказала она. – До свидания!

– Приходи обязательно. До свидания, Лора.

Она развернулась и почти бегом, иногда скользя на замерзших лужах, направилась к дому. Позади нее вновь заревел мотор, быстро удалился и исчез в считанные секунды. Лора остановилась, чтобы отсмеяться и войти в дом прежней Лорой, спокойной и уравновешенной.

Ей казалось, что она вернулась в привычную обстановку из какого-то сказочного царства, где было приятно и свободно, как никогда. “Наверное, именно так ощущают себя люди, пришедшие с работы домой”, – подумала Лора. Подумала о себе как о взрослой, чуть ли не как о хозяйке.

Дома все занимались своими делами. Димка смотрел мультфильмы по телевизору. Лора показала родителям, сделав веселое лицо, чтобы они не беспокоились, а затем ушла на кухню, прикрыла дверь и принялась листать Сашкины тетради, бегло читать тексты его песен, напевать тихонько его мелодии. Они ей бессознательно нравились, как и всё, что исходило от Сашки. Мелодии были разные. Она напевала их наугад, строками, и с удовольствием повторяла, если они ей приходились особенно по вкусу. Но ее тревожило, сможет ли она передать из в полный голос так же красиво и живо, как их придумал и написал Сашка.

Слишком увлекшись, она пропустила время, когда пора было ложиться спать. Отвлекла ее от работы мама, заглянувшая в кухню и удивленно посмотревшая на непривычно занятую дочь. Лора вздрогнула и поспешно сказала:

– Извини, мама, я сейчас лягу. Спокойной ночи. Извини, я не знала, что уже так поздно.

– А что это ты так засиделась, дочка? – заботливо спросила у нее мама, с любовью и лаской погладив ее по мягким, шелковистым волосам. – Не доделала уроки?

Лора улыбнулась:

– Не волнуйся, мам. С уроками все в порядке. А это... – Она качнула Сашкиными тетрадями и мимоходом на них посмотрела. – Это так, ерунда. Спокойной ночи.

И пошла ложиться спать.

Димка уже сопел и чмокал на своей кровати. Лора двигалась бесшумно, словно тень. Разобрала постель, переделалась, легла и замерла. Не удержалась от маленького вздоха. А в голове у нее сами собой складывались мелодии и слова из Сашкиных тетрадей – может быть, он так их и сочиняет? Это было замечательное чувство! Так, незаметно, то ли мурлыкая, то ли свистя, она уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.